

А. К. Соболева

НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва)

**ФИЛОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА:
СОВМЕСТНЫЕ ПОИСКИ БУДУЩЕГО**
*(Памяти профессора Ю. В. Рождественского)**

Аннотация. Статья представляет собой попытку посмотреть на теорию права глазами филолога в свете идей профессора Ю. В. Рождественского, прославившегося своими трудами в области общего языкознания, типологии, риторики, философии языка и гуманитарного образования. Автор старается показать, что филология может внести в теорию права гораздо

* Статья написана по результатам доклада, сделанного автором 10 декабря 1999 г. на кафедре общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова на памятных чтениях в годовщину смерти бывшего заведующего кафедрой, профессора Ю. В. Рождественского.

более существенный вклад, чем это было принято считать до сих пор. В частности, хорошо разработанные в языкознании и философии языка подходы к изучению теории именованности, типологии языковых систем, языковых универсалий, соотношения динамики, совершенствования и развития как процессов оценки изменений, происходящих в языке, роли мифологем в мышлении вполне могут быть применены к исследованию не только языковых, но и правовых явлений.

Ключевые слова: философия права, семиотика права, риторика, теория именованности Платона, мифологемы права, правовое мышление, язык и мышление, типология слова, типология права, языковые универсалии, сравнительное право, динамика языка, динамика права, прикладная юриспруденция.

Эта статья — взгляд одновременно филолога и юриста на современную теорию права, которая осмысливается в контексте философской и методологической системы научного познания, унаследованной автором статьи от своего покойного учителя — профессора кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ им. М. В. Ломоносова Юрия Владимировича Рождественского (1926—1999). В свете его идей я постараюсь дать интерпретацию тем направлениям развития юридической науки, которые представляются мне сегодня наиболее перспективными и важными. Я постараюсь наметить лишь некоторые пути, в которых филология может оказать ей посильную помощь в поисках этого выхода. При этом я буду следовать логике книги «Лекции по общему языкознанию» (1990), привлекающая попутно тексты лекций и других работ моего учителя.

1. Теория именованности: промысел Бога в созданном слове и мифологемы права. Профессор Рождественский исходил из того, что отношение между языком и другими системами лежит в именовании. Именно в этом он видел этический центр философии языка. «Общий смысл теории именованности, — писал он, — “орудность” имени: слово, именуя вещь, является орудием, с помощью которого в деятельности людей возникает именованная словом вещь. Конфуций кратко формулирует этот принцип так: “Если имя дано неверно, то речь не повинуется, если речь не повинуется, то дело не может быть образовано. Если же имя дано верно, то и речь повинуется, если речь повинуется, то и дело образуется”»¹. Имена не могут давать произвольно, так как они «всегда вызывают к жизни то или

¹ Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975. С. 33—34.

иное действие или отношение одних вещей к другим, одних людей к другим или вещей к людям»². В диалоге Платона «Кратил» правильность имен рассматривается как предписание общего порядка. При этом правильность имени не зависит от звуков, его образующих (в разных языках одной и той же вещи соответствует множество имен), а зависит от общего смысла слов. Это правильность плана содержания, а не плана выражения³. Ю. В. Рождественский обращает внимание на слова Сократа из диалога «Кратил»: «...имя есть некое орудие поучения и разбора сущности, подобно тому, как ткацкий челнок является орудием разбора для ткани»⁴.

Юрий Владимирович Рождественский ссылался на схему создания и распространения имени, разработанную Платоном в диалоге «Кратил»: «В соответствии с мыслью Платона, создателем имени является ономототэт — творец имени, который передает созданное им имя диалектикам — лицам, обсуждающим достоинства имени, а те, в свою очередь, передают имена мастерам конкретных искусств, использующим имена»⁵. Человек, в соответствии с логосической теорией происхождения языка, вполне может ошибиться и, воплощая божественный промысел, исказить его, создав ошибочное имя. Это ведет к борьбе одного человека с другим по поводу того, насколько точно передан смысл (промысел Бога) в созданном слове. Это не что иное, как спор о толковании. В праве ономототэтом выступает конкретный человек (автор законопроекта, термина и т. п.); в роли мужей-диалектиков выступают депутаты и, возможно,

² *Рождественский Ю. В.* Очерки по истории лингвистики. С. 34.

³ *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию. М., 1990. С. 7–8. Интересно отметить, что у Платона специалист своего дела, который дает (изготавливает) имена, называется законодателем, хотя «законодатель» понимается у него не в современном юридическом смысле, а как лицо, которое создает орудие поучения и разбора сущности вещей. Ю. В. Рождественский, обращая внимание на это, приводит отрывок из диалога: «Не кажется ли тебе, что тем, кто передал нам их (имеются в виду имена. — Ю. Р.), является закон (имеется в виду логос. — Ю. Р.)? <...> Значит, Гермоден, устанавливая имена — дело не всякого мужа, но некоего творца имен. Это и есть, по-видимому, законодатель, который режет всех других мастеров встречается среди людей» (цит. по: *Рождественский Ю. В.* Очерки по истории лингвистики. С. 43).

⁴ Цит. по: *Рождественский Ю. В.* Очерки по истории лингвистики. С. 43.

⁵ *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию. С. 7.

эксперты-юристы, в том числе исследователи, которые обсуждают достоинства созданного имени, а судьи, адвокаты и остальные правоприменители являются пользователями созданных имен. Догматические споры в религии — кто «искажил» божественный промысел, напоминают догматические споры в праве — кто более «искажил» намерение и волю законодателя, а «поскольку к толкованию примешиваются земные интересы, догматические споры становятся формой идеологической борьбы, нередко перерастают в политические движения и религиозные войны»⁶. Догма вводится именно потому, что появляется необходимость свести в единую смысловую систему содержание разных высказываний⁷. Именование чрезвычайно важно и для права.

В XX веке, как справедливо замечает Ю. В. Рождественский, было создано слишком много «неправильных» имен — мифологем. Особенно много, как мне кажется, их было создано в теории права и в тесно связанной с ней политологии. Мифы и реальность в праве еще ждут своего детального изучения. Зарубежное право уже приближается к этой проблеме. Являются ли мифами такие понятия, как «конституция» (особенно писанная), «правовое государство», «социальное государство», «свобода», «равенство»? Почему свободу надо делить равномерно, а собственность — по-разному (этим вопросом задавался американский философ-либертарианец Р. Нозик⁸)? Являются ли мифами, в свете нынешнего развития науки и техники, такие понятия как «тайна частной жизни», «неприкосновенность» (если использование функции геолокации в Айфоне и использование социальных сетей позволяет следить за каждым вашим шагом или каждой вашей мыслью без проникновения в жилище)? Не является ли мифологемой словосочетание «права человека»? Можно ли говорить о «правах человека» вообще, безотносительно к культурно-исторической обстановке, ведь те права, что кажутся бесспорными и неотъемлемыми для европейца, не укладываются в правовые представления аборигенов Северной Америки, жителей Японии или

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Ср: «Пророческий и догматический взгляды на слово оказали огромное влияние на литературную мысль древности и средневековья. Они понижают поэзию и ученые сочинения этого времени, на них основаны *право и мораль* (выделено мною. — А. С.), на них основана древняя и средневековая филология» (там же. С. 8, прим.).

⁸ См.: Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 2008.

граждан ряда государств Востока? Почему мы считаем их «универсальными ценностями», если их разделяют далеко не все жители нашей планеты? И существуют ли «универсальные ценности» вообще (хотя это, скорее, проблема не права, а культурологии и антропологии)? Почему патриархальный уклад считается в современных социумах менее предпочтительным, чем либеральный? Разве право и политическая теория, а не культурология или история должны давать ответ на этот вопрос? Почему, если японцы отдают предпочтение традиционным ценностям, которые приходят в конфликт с европейским пониманием «равенства» (например, почтение к предкам, закрепленное в уголовном законодательстве Японии, по которому убийство родственника по восходящей линии карается намного строже, чем любого другого человека), мы должны судить их по нашим меркам?⁹

Судьи, политологи и теоретики права изоцряются в переименовании понятий, не понимая, что это вносит хаос в нашу жизнь. Если «обыск» (*seizure*) называть «ограниченным поиском оружия» (*frisk*), расстрел парламента — «восстановлением демократии», пятчасовое «катание» задержанных во время митинга по Москве — не «задержанием», а «доставлением», войну — «разгромом бандформирований (сепаратистов, ополченцев)» или «защитой русских от бандеровцев (фашистов, укропов, хунты)», то обыденное сознание человека теряет ориентиры. При этом никто не считается с последствиями слова-мифа для других людей. Мифическими представляются многие социально-экономические права, такие как право на жилище, на получение квалифицированной юридической помощи, на благоприятную окружающую среду, к мифическим можно отнести свободу художественного творчества в условиях цензуры или право к указанию своей национальной принадлежности при отсутствии документов, в которых можно было бы ее зафиксировать¹⁰. Люди считают эти права непосредственно действующими и удивляются, почему при отсутствии у них жилья они не могут получить крышу над головой без многолетнего ожидания. Когда они замечают, что правоприменение носит избирательный характер, они теря-

⁹ См. об этом: *Durham W. C., Jr.* The relationship of Constitution and Tradition // *Southern California Law Review*. Vol. 53. P. 645–656.

¹⁰ В обсуждаемом контексте представляет интерес статья: *Gräzin I.* Law is Myth // *International Journal for the Semiotics of Law / Revue Internationale de Semiotique Juridique*. 2005. Vol. 18. P. 23–51.

ют ориентир, что считать правом и какие правила выполнять обязательно, а какие — нет. Соответственно, разрыв между «именем» (буквой закона) и «предметом» (тем, что за ней стоит) приводит к неправильному устройству жизни и вносит хаос в управление.

Итак, мифологемы права и толкование имен — первое из возможных направлений исследований.

2. Семиотика права. Право как особый мир семиозиса. Один из теоретиков общественного договора, Т. Гоббс писал о том, что окружение человека состоит из трех частей: природы, семиотики и техники. Ю. В. Рождественский привлекает наше внимание к его идеям: «Природа — то, что существует до человека. Она составляет основу, материал, из которого творится мир, окружающий человека <...>. Техника — это совокупность разного рода устройств и предметов, позволяющих человеку жить и действовать. Техника создается самим человеком из материалов природы. Семиотика — это совокупность необходимых для умственных операций знаков, служащих опорой для ума, “заместителей” объектов природы и техники»¹¹. Мысль человека обращена к природе, семиотике и технике разными своими сторонами.

Ю. В. Рождественский отмечал, что язык и языковая деятельность одноположены ряду других средств семиотической деятельности, составляющих в совокупности интеллект. Как определить место права в ряду этих «других средств»? Будем следовать рассуждениям профессора. В лекции от 18 апреля 1985 года он подчеркивал, что в центре созидательной, культуuroобразующей деятельности человека лежит семиотический запрет: «Семиотический запрет формирует лицо цивилизации»¹². В культуре однажды запрещенное не может быть отменено. Кроме того, «цивилизация существует, пока есть система единообразных запретов»¹³, а сами цивилизации различаются по характеру запретов — в разных цивилизациях ставятся под запрет разные виды семиотических систем (напр., танец или изображение людей и животных)¹⁴. Важно отметить, что запрет служит для развития человеческой изобретательности. Каждый запрет

¹¹ *Рождественский Ю. В.* Указ. соч. С. 12.

¹² *Рождественский Ю. В.* Лекция в МГУ от 18.04.1985 (цитируется по конспекту лекций, сделанному автором статьи. Здесь и далее ссылки на лекции даются по конспектам).

¹³ *Рождественский Ю. В.* Лекция в МГУ от 21.02.1985.

¹⁴ *Рождественский Ю. В.* Лекция в МГУ от 18.04.1985.

развертывает другие виды деятельности, потому что человек стремится этот запрет обойти. Следовательно, запрет должен налагаться мудро, с учетом того, что за новые виды деятельности он повлечет. Это правило никогда не принимается в расчет нашими законодателями, а ведь не только культура, но и право имеет дело с системой запретов. Изучение запретов в праве с семиотической точки зрения еще только ждет своего часа. Закономерности построения материала, используемого в знаковой функции, в теории права тоже изучены слабо.

Семиотика права как направление активно развивается в других странах. С 1987 года издается «Международный журнал семиотики права», существует международная ассоциация «Международные круглые столы по семиотике права»¹⁵. Российские ученые интересуются проблемами семиотики права мало — это тем более странно, что отечественная школа семиотики позволяет не только заимствовать чужой опыт, но и развивать это направление исследований, предложить новые подходы и совершенно новый взгляд.

3. Отношение языка к мысли и правовое мышление. «Взаимоотношения языка и мысли — область совместного исследования философии, психологии, социологии, семиотики, филологии, логики, риторики, искусствоведения, педагогики, языкознания и многих других наук», — писал Ю. В. Рождественский¹⁶. В ряду этих других находится и право. Правовое мышление начинает исследоваться в античности, продолжается в средние века и возрождается в 50-е годы XX века с разным успехом в разных странах, особенно в Германии, Америке и, частично, во Франции и Бельгии. Отмечу, что исследование правового мышления самым прямым образом связано с риторикой, герменевтикой, логикой — но если логика и герменевтика российскими юристами привлекаются (первая меньше, вторая больше), то риторика пока еще выглядит для них в этом контексте достаточно экстравагантно и чужеродно. Для того чтобы снять это предубеждение, я бы обратила внимание юристов на великолепную главу в книге «Преодолевая право» известного профессора-юриста из Чикагской школы права Ричарда Познера, которая называется «Риторика, ведение дел в суде и правовое мышление»¹⁷. Я бы также

¹⁵ См.: International Journal for the Semiotics of Law / Revue Internationale de Sémiotique Juridique. Springer. www.springer.com/11196; International Roundtables for the Semiotics of Law (IRSL).

¹⁶ Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. С. 63.

¹⁷ Posner R. A. Overcoming Law. Cambridge, Ma., London, 1995. P. 498–531.

обратила внимание юристов на ключевые для филологов работы Лотмана, Бахтина, Выготского¹⁸ — интерес к ним есть, но он пока явно недостаточен, и нельзя сказать, чтобы идеи этих авторов существенно повлияли на разработку отечественных теорий правового мышления.

4. Право как гуманитарная наука. «Всякое исследование в науке, помимо своего метода, т. е. особого взгляда на действительность, зависит еще от философского метода познавательной деятельности» — писал Ю. В. Рождественский¹⁹. В праве, как и в языкознании, в настоящее время представлены два основных течения — позитивизм и диалектика. Позитивизм в праве — как и позитивизм в языкознании — настаивает на экономности, непротиворечивости, простоте и системности как критериях истинности. Но, по верному замечанию Рождественского — это лишь требования к изложению материала в учебном курсе, но не к установлению истины: «Совокупность научных истин может быть систематически, экономно и непротиворечиво изложена в учебных курсах лишь после того, как истина получена. Позитивизм фактически снимает различие между процессом получения истины и характером ее изложения»²⁰. Именно поэтому взгляды современных ученых, как в языкознании, так и в других науках, устремляются к поиску новых теорий, которые, при всем их разнообразии, используют диалектический метод познания науки и реальности. Рассуждая о недостатках позитивизма в 1990 году, Рождественский отталкивается от мысли Л. Витгенштейна, согласно которой с точки зрения позитивизма теория может быть пригодной и непригодной. Пригодность или непригодность теории позитивизм связывает с ее применимостью. При этом, отмечает Рождественский, хотя «критерий применимости теории как будто бы похож на критерий практики», это лишь чисто внешнее сходство²¹.

¹⁸ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004; Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986; Выготский Л. С. Мышление и речь. М.-Л., 1934 (работы этих авторов нашли достойное отражение в диссертациях и статьях ученого из Эстонии Вадима Веренича. См., напр.: *Verenich V.* 1) On some parallels between Tartu-Moscow cultural semiotics and the current scholarly developments in legal semiotics. Master's Thesis. University of Tartu. 2006; 2) Semiotic models of legal argumentation [Dissertation for defence for the Degree of Doctor of Philosophy]. Tartu, 2014.

¹⁹ Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. С. 106.

²⁰ Там же. С. 107.

²¹ Там же. С. 106.

Критерий практики — это не просто возможность использования, это общее соответствие всей исторической практике человечества. «Позитивизм интересуется не установление истины, не верное отображение изучаемого объекта, а лишь понятийная конструкция, имеющая целью утилитарное применение»²², целью же диалектики является не утилитарное применение права, а изучение его как общественного явления. Для того чтобы изучить какое-либо явление, необходимы эксперимент или историческое сравнение. Методы изучения природных явлений и явлений общественных различаются. Для изучения сущности права как общественного явления необходимо сначала противопоставить его естественным наукам, а затем сравнить с другими гуманитарными.

5. Сравнительное правоведение. Сравнительное правоведение на первом этапе своего развития представляет собой лишь описание права нескольких стран одновременно — как и сравнительное языкознание представляет собой первоначально описание одновременно многих языков. Оно начинается с сопоставительных исследований — сопоставляется право двух или более близлежащих государств либо государств, с которыми устанавливаются дипломатические, торговые или деловые отношения.

Развитием метода сопоставительного анализа является сравнительно-историческое и типологическое изучение. *Сравнительно-историческое правоведение* имеет целью исследование современных систем права или отдельных правовых явлений (институтов, отраслей) и прослеживание путей их развития из исторического прошлого до современного состояния. *Типологическое сравнение* систем права не связано ни с историей происхождения того или иного этноса и его права, ни с близостью или родством систем права, ни с культурой. Типологически можно сопоставить даже одну и ту же систему права на разных этапах ее существования — «смысл сопоставления в типологии состоит в том, чтобы выяснить, какими способами материал... может быть организован для того, чтобы нести знаковое содержание»²³. В языке существует такое понятие, как «универсалии» или универсальные категории, которые представлены абсолютно во всех языках (напр., слоги, гласные, согласные и проч.). Так, американский лингвист и антрополог Чарльз Хоккет вывел такие языковые универсалии, как «каждый человеческий язык имеет име-

²² *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию. С. 108.

²³ Там же. С. 58.

на собственные», «каждый язык имеет грамматические элементы» и др.²⁴ Мне не известны попытки юристов вывести универсалии, подобные тем, что выведены филологами в отношении языка, хотя в рамках сравнительного правоведения уже накоплен значительный материал, который позволил бы заняться типологическими исследованиями. Однако для полновесных типологических исследований пока еще существуют препятствия. Во-первых, для выведения правовых универсалий необходимо соотнести право с существующими семиотическими системами. Во-вторых, надо уточнить понятие «универсалии» для права. В то же время, выведение типологических универсалий поможет четче определить правовые семьи, а потом уже границы и состав этих правовых семей уточнить с помощью сравнительно-исторического метода. Интересным было бы проследить также, насколько историческое изменение правовой системы влечет вместе с тем и ее типологическое изменение.

Типологические исследования предполагают установление закономерностей. В языкознании и сравнительно-историческое, и типологическое изучения характеризуются тем, что материалом исследования являются не сами языковые системы, а уже существующие их описания. При этом они охватывают одним исследованием не две-три системы, а определенный массив систем с достаточно четко установленными границами. В праве описание типологии правовых систем также могло бы строиться на уже существующих описаниях и опираться на ранее проведенные сравнительно-исторические исследования.

Предметом типологического языкознания являются все языковые системы, известные в мире, и выводы делаются для всех языков мира. Подобным образом, типология правоведения должна опираться на *все* правовые системы, и делать выводы, касающиеся *всех* правовых систем мира. Наблюдения и выводы при типологических исследованиях делаются на основе неполной индукции, а следовательно, для достоверности исследования необходимо правильно выбрать базу индукции. Филология, в отличие от права, обладает достаточно разработанной методологией выбора такой базы, которая могла бы послужить хорошим подспорьем для типолога, но, как мне представляется, сам поиск возможности существования универса-

²⁴ См.: Хоккет Ч. Ф. Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 45–76.

лий в праве может оказаться очень интересной задачей с занимательными перспективами. Например, можно предположить, что во всех правовых системах, где есть понятие «вины», есть и институт освобождения от наказания за деяния, которые иначе бы считались преступными — однако любую такую гипотезу следует проверять на уже имеющемся в копилке сравнительного правоведения материале.

Здесь могли бы быть проведены интересные параллели. Во-первых, филологи оперируют таким понятием, как «язык-эталон», который представляет собой систему терминов, пригодных для описания категорий любого языка. Возможно ли нечто похожее установить для права? Предпринимались попытки создания модельных кодексов, модельных конституций, модельных правил толкования нормативных текстов и т. п., но любой такой документ создавался либо как идеальная модель законодательного акта, наиболее адекватно, по мнению его разработчиков, отвечающая задачам правового регулирования отношений в той или иной области, либо как проект, рекомендованный для использования при разработке других актов на ту же тему. Модель отличается от эталона тем, что она не используется (во всяком случае, не создавалась с целью использоваться) в качестве основания для сравнения правовых явлений или правовых семей. В эталонной правовой системе должны рассматриваться основные признаки, без которых не бывает права как проявления общественной жизни. Выведение универсалий для права, подобных языковым универсалиям Гринберга, Хоккета, Рождественского — задача самого ближайшего будущего.

От просто правовой универсалии (напр., «во всех правовых системах есть ответственность за умышленное убийство») необходимо отличать «типологическую правовую универсалию» — связь каких-либо двух черт в части правовых семей (напр., «где есть понятие вины, есть и понятие умысла»). Любая типологическая универсалия одновременно представляет собой элементарную типологическую классификацию правовых систем (например, есть системы, где есть «банковский процент» и где его нет). В любой общественной науке элементарных типологических классификаций столько, сколько выведено типологических универсалий. Поиски общего в разном — вот задача типологии.

В одной из лекций представитель российской компаративистики, профессор Ю. А. Тихомиров отмечал, что сравнительное правоведение сегодня — это лишь добавление к теории государства, а должно быть наоборот — она должна стать его основой. По его

мнению, нет общей теории права на национальной основе, теория права может быть только сравнительной. Он же отмечал, что очень важен вопрос о балансе функций сравнительного правоведения. Долгое время оно формировалось как критика буржуазных теорий, и иногда продолжает сохранять оттенок критики, которая перевешивает все остальное²⁵. Итак, вывод: пора переходить от описания — к анализу, от контрастивной науки — к поиску общего. Так что юристы, как мне кажется, скоро придут к мысли о поиске универсалий.

6. Управление языковой деятельностью с помощью права.

Язык всегда изучается как явление, которое характеризует общество. Классификации языков отражают такие признаки общества, как этнос, разделение труда, культура и ее история и социальный семиозис. Но «связь языка с общественными институтами проявляется не только в этом: язык помогает управлять общественной деятельностью, но и общество, в свою очередь, управляет языковой деятельностью с помощью т. н. внешних правил словесности, т. е. <...> институтов, занятых созданием, передачей, распределением и хранением текстов. В устной речи эти правила и законы сведены к обычаю <...>. Письменная речь вводит соответствующее законодательство о речи. Во все своды законов, такие как “Юстинианов кодекс” или “Русская правда”, входят особые законы о речи. В законодательстве об институтах речи присутствует особый кодекс внешних правил словесности. Книгопечатание рождает особые области права. К ним относятся авторское право — право собственности на литературное произведение, издательское право и правила книжной торговли, а также юридически нормированный тип государственного контроля за печатной продукцией», — писал Ю. В. Рождественский, вводя понятие «внешних правил словесности»²⁶. В связи с распространением Интернета я бы добавила сюда и законодательные акты, регулирующие телекоммуникационную связь и вопросы свободного доступа к информации. Таким образом, с развитием и усовершенствованием материала и фактуры речи появляется целый комплекс правовых норм, названный Рождественским (то ли по случайности, то ли нет) «языковым правоведением». Примечательно, что он рассматривает языковое правоведение как входящее в цикл филологических наук. Здесь опять-таки достаточно тесно и неожидан-

²⁵ См.: Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996.

²⁶ Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. С. 60.

но переплетаются филологическая и правовая теория (внешние правила словесности — в терминах филологии, законодательство об образовании, науке и культуре — в терминах права). Примечательно, что филология еще в 80-е годы XX века увидела в этой, казалось бы, скучной и мало кого привлекающей подотрасли права ее чрезвычайно важное культуuroобразующее и культуuroизменяющее значение (поскольку именно данное законодательство регулирует накопление, хранение, отбор информации — через обязательный экземпляр в библиотеки, через создание национальных депозитариев книжных, электронных, музыкальных и т. п. фондов). Без этого законодательства невозможно накопление коллективного опыта, отбор фактов культуры, а следовательно, «невозможна социальная информация, на основе которой в каждый данный момент реализуются производственные, правовые и идеологические отношения людей»²⁷.

7. Динамика права. Синхроническое описание правовой системы не может дать нам понятия о правовой динамике, мы не можем увидеть при этом, как складывалась, развивалась и совершенствовалась правовая система. В языкознании мы говорим об *эволюции (изменении), развитии и совершенствовании* языка как трех разных видах динамических процессов. Право с этой точки зрения в общем курсе теории права не изучается. Естественно, при этом нет попыток определить, как соотносятся между собой и насколько сильно воздействуют на изменение системы права стихийность динамических процессов, тенденция к упрощению или усложнению систем, насколько велика в изменении права роль сознательного воздействия на нее извне (мировое сообщество, Мировой Банк, фонды и займы, коррупция и лоббирование).

Если обращаться к языкознанию, то в свете ее терминологии для развития характерно: 1) дивергенция и образование новых систем; 2) усложнение системы; 3) разделение на подсистемы; 4) рост терминологии. Эволюция здесь понимается как изменение системы без заметного количественного роста и усложнения, а совершенствование — как изменения, возникающие вследствие сознательного воздействия человека на правовую систему. Представляется, что описание динамики права в этих терминах тоже может представлять интерес для исследователя — особенно же интересно было бы посмотреть, связаны ли между собой динамика языка и динамика

²⁷ См.: *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию.

права и как развитие языковых систем отражается на развитии систем правовых.

8. Прикладное языкознание²⁸ и прикладная юриспруденция.

Прикладная юриспруденция — это, по аналогии с прикладным языкознанием, не просто приложение данных науки к какой-либо области практики. Это особая научно-практическая деятельность, целью которой является усовершенствование системы правового регулирования в обществе (проведение правовой реформы, повышение правосознания, преодоление правового нигилизма и т. д.).

По отношению к общественной практике все науки, в том числе и право, делятся на фундаментальную и прикладную части. Что касается языкознания, то здесь задачей прикладных исследований и разработок является введение новых материалов речи, поиск наиболее эффективных путей речевой коммуникации, утверждение и распространение знаний и норм путем обучения. Прикладные исследования всегда сочетают научный и технический аспекты (научный — «что есть», технический — «как использовать»). Прикладные науки имеют собственную область теории и собственные области практики. Они привлекают для решения своих практических задач разработки и методики смежных наук: физики, информатики, социологии, статистики, медицины и др. Результаты в области прикладного языкознания и прикладной юриспруденции оцениваются не как в фундаментальной науке, а как в науке технической (через знание прецедентов решений и через успешность создания новой действительности в области культуры). Фундаментальное языкознание формирует норму языка, а прикладное — использует норму как данное и ищет пути к ее претворению в общественно-языковую практику. Они не похожи в отношении к норме.

Теория права и правовая практика тоже не похожи в своем отношении к норме. Теория права формирует идеальное представление о праве, на основе знаний и опыта ищет ту модель правового регулирования, те нормы, которые помогут обществу стабильно и бесконфликтно развиваться. Право в его практическом применении в его отношении к норме не похоже на теорию права. Оно не обсуждает, не исследует, не ищет, оно претворяет в жизнь. И здесь у прикладной юриспруденции, как и у прикладного языкознания, есть три области реализации:

²⁸ Там же. С. 298–315.

1) семиотика — усовершенствование формы и техники производства знаков; в праве — техника и технология создания правовых текстов; законодательная техника; техника нормотворчества; правовые символы и т. д. (интересно, что шведский ученый Эрик Аннерс рассматривает юридическую науку как инженерное искусство, при котором юристы по заданию политической власти применяют и разрабатывают правовые нормы, которые управляют одновременно разделением труда и сотрудничеством между людьми; история права при таком подходе — это история развития юридической техники²⁹) — скажу честно, что мне этот подход очень близок;

2) правовая дидактика — обучение людей владению правом;

3) правовая информатика — организация общественного функционирования юридических текстов (создания, передачи, хранения) и соответствующих им институтов.

10. Востоковедение. «Востоковедение изучает язык, чтобы с его помощью проникнуть в предметный и духовный мир другого народа»³⁰, — отмечал Ю. В. Рождественский, который по своему образованию был востоковедом, специалистом по китайской филологии. Очень важно, что при изучении восточных языков слова и знаки изучаются не для постижения предметной реальности (как на занятиях по иностранному европейскому языку), а для постижения понятий. Идет движение от лингвистической реальности к экстралингвистической реальности.

Параллель с правом приводит меня к следующему вопросу: а насколько сравнительное правоведение или изучение права какой-либо зарубежной страны ставит сегодня целью проникнуть в предметный и духовный мир другого народа? Сегодня юристы изучают зарубежное право чисто утилитарно, как будущие переводчики — иностранный язык. Одни учат язык для того, чтобы на нем объясняться, другие — право для того, чтобы решать дела с иностранными партнерами или чтобы позаимствовать опыт, который может пригодиться в законодательной деятельности, в проведении реформ, во введении новых институтов или усовершенствовании старых. Но современные юристы не учат право для того, чтобы через него проникнуть в культуру. С этим связана и проблема отбора ключевых текстов для сравнительного правоведения. Мы пытаемся их ото-

²⁹ См.: Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.

³⁰ Рождественский Ю. В. Лекция в МГУ 07.02.85.

брать и анализировать с позиций своего сознания, но такое восприятие текста не дает нам представления о его нормальном восприятии, о его месте в системе других культурообразующих текстов той или иной страны. Для того чтобы проникнуть в «чужие» правовые тексты, их нужно начинать изучать так, как их изучают на юрфаке в стране их происхождения; для того чтобы понять роль права и отношение к нему в каком-либо другом государстве, надо постигать его так, как оно постигается в ежедневной жизни жителями данного государства (через воспитание в семье, обычаи, традиции, церемонии, школьное образование, фольклор и т. д.). Почему, например, устный договор в Китае исполняется достаточно точно, велики сила и авторитет обещания? Юристы сошлутся на обычай. Но откуда берется обычай? Почему в одних странах ему требуется закрепление в законе, а в других — нет? Почему частные сделки в Китае фиксируются мало, заключаясь в основном изустно, а выполняются, наверняка, более регулярно, чем зафиксированные в договорах российские сделки? Без этого невозможно осмыслить правовую систему государства. Ее нельзя изучать только по сборникам законодательных актов. Мне не встречались исследования юристов-компаративистов, в которых бы при описании правовой системы использовались тексты судебных решений (кроме работ по странам с прецедентной системой права, да и то, как ни странно, при этом использовались лишь решения верховных судов, а не судов самой низшей инстанции) или тексты гражданско-правовых договоров. Даже тексты решений конституционных судов принимаются в расчет при компаративистских исследованиях крайне и крайне редко! Нет нужды говорить о том, что пренебрежение всеми этими реалиями не позволяет увидеть систему права чужого государства «изнутри», глазами ее собственных граждан. В этом плане у тех, кто занимается мусульманским правом или правом государств Востока, более выигрышное положение, потому что востоковедение расширяет горизонты понимания нашей собственной культуры. Но много ли у нас ученых юристов, которые говорят на восточных языках (особенно на нескольких) и хорошо знакомы с культурой Востока — не понаслышке, а на личном опыте, опыте миссионерской деятельности или опыте обучения в образовательных учреждениях стран Востока (я уж не говорю об обучении на юридических факультетах восточных стран по студенческим программам)? Сегодня лишь немногие исследователи предпринимают попытку изучать право в системе представлений о том, что есть

цивилизация, — тем ценнее первые попытки разработчиков новых программ (например, магистерской программы «Исламское право» на факультете права Высшей школы экономики).

* * *

Юристы оставили филологам документы — самые первые письменные источники, по которым они изучают прошлое языка. Филологи, как мне кажется, должны оставить юристам идеи, по которым они будут изучать будущее права. Естественно, отплатить юристам свой долг филологи смогут только в том случае, если смогут достойно развивать свою собственную науку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Durham W. C., Jr.* The relationship of Constitution and Tradition // Southern California Law Review. Vol. 53. P. 645–656.
2. *Grøzin I.* Law is Myth // International Journal for the Semiotics of Law / Revue Internationale de Semiotique Juridique. 2005. Vol. 18. P. 23–51.
3. *Posner R. A.* Overcoming Law. Cambridge, Ma., London, 1995. P. 498–531.
4. *Verenich V.* On some parallels between Tartu-Moscow cultural semiotics and the current scholarly developments in legal semiotics. Master's Thesis. University of Tartu. 2006.
5. *Verenich V.* Semiotic models of legal argumentation [Dissertation for defence for the Degree of Doctor of Philosophy]. Tartu, 2014.
6. *Аннерс Э.* История европейского права. М., 1994.
7. *Бахтин М.* Литературно-критические статьи. М., 1986.
8. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.-Л., 1934.
9. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2004.
10. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера ; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М., 2008.
11. *Рождественский Ю. В.* Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
12. *Рождественский Ю. В.* Лекция в МГУ от 07.02.1985.
13. *Рождественский Ю. В.* Лекция в МГУ от 18.04.1985.
14. *Рождественский Ю. В.* Лекция в МГУ от 21.02.1985.
15. *Рождественский Ю. В.* Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
16. *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996.
17. *Хоккет Ч. Ф.* Проблема языковых универсалий // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5. С. 45–76.

A. K. Soboleva

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

PHILOLOGY AND THEORY OF LAW:
JOINT SEARCH FOR THE FUTURE

(In Memory of Professor Yu.V. Rozhdestvensky)

Abstract. The article discusses several legal phenomena through the prism of philological views of the distinguished Russian typologist, rhetorician, educator, linguist and philosopher prof. Yuri Rozhdestvensky. The author, his former student, argues that philology can contribute to the analysis and understanding of law more, than it has been traditionally acknowledged. In particular, legal theory can benefit from philological views on name-giving and author-reader relationship, correlation between dynamics, development and improvement in evaluating the processes which take place in linguistic changes and law changes, on typology and search for universals, on human reasoning, on semiotics and on role of mythologems both in philosophy and in law.

Key words: philosophy of law, semiotics of law, rhetoric, Plato's theory of name-giving, mythologems in law, legal reasoning, language and reasoning, typology of word, typology of law, linguistic universals, comparative law, law dynamics, applied legal theory.